

Преимущества “лёгкого” поля? Методологические и этические затруднения в изучении близкого окружения¹

Татьяна Журавская, Екатерина Колбина

Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия

Информация о статье

Поступила в редакцию:

03.02.2025

Принята

к опубликованию:

14.02.2025

УДК 303.02

JEL Z13

Ключевые слова:

методология и этика полевой работы, исследование близкого окружения, этические дилеммы, научная деятельность студентов.

Keywords:

methodology and ethics of fieldwork, studying of the close circle, ethical dilemmas, undergraduate research activities.

Аннотация

Статья является вводным текстом к тематической подборке текущего номера, посвящённой обнародованию результатов исследования научной работы студентов в ДВФУ в 2021–2022 гг. Текст содержит описание некоторых методологических и этических затруднений в ходе проекта при планировании, сборе и публикации результатов. В первой части описаны три группы факторов, в связи с которыми, как правило, исследователям приходится решать этические дилеммы. Далее представлено короткое описание проекта и вариант решения при планировании выборки. В заключительной части статьи дана краткая характеристика работ из подборки.

DOI: <https://doi.org/10.24866/2311-2271/2024-4/1613>.

Ссылка для цитирования: Журавская Т.Н., Колбина Е.О. Преимущества “лёгкого” поля? Методологические и этические затруднения в изучении близкого окружения // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2024. № 4 (112). С. 71–80. — DOI 10.24866/2311-2271/2024-4/1613.

¹ Исследование выполнено в рамках договора пожертвования денежных средств от 19.05.2022 № Д-156-22 (09.02.2023 г. № Д-023-23, 27.03.2024 № Д-136-24) Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей Открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом “Стратегические проекты ДВФУ” (Целевое назначение пожертвования СБЕР (ПАО)).

The Benefits of an “Easy” Field? Methodological and Ethical Difficulties in the Studying of the Close Circle

Tatiana N. Zhuravskaia, Ekaterina O. Kolbina

Abstract

The paper is an introductory text to the thematic section of the current issue. The issue is devoted to the publication of the results of a study of undergraduate research work at FEFU in 2021–2022. The goal of the project was to investigate the why of the spread of dishonest behavior and violation of academic ethics in the student community. The text describes some of the methodological and ethical difficulties during the project in planning, collecting and publishing the results. The first part describes three groups of factors that researchers typically have to deal with ethical dilemmas. Next, a brief description of the project and a solution to the sampling design is presented. The authors of the project take a situational approach to solving ethical issues. The paper concludes with a brief description of the papers in the section. As the main conclusion to the text, an ethical principle is presented that was put to work for the project described.

Введение

Любое социальное (и не только) исследование неизбежно связано с необходимостью взятия на себя ответственности за принятые решения при сборе и обнародовании эмпирических данных. Причина тому — человек как объект исследования, который, согласно природе практики, становится тем, кого автор использует в собственных (пусть даже благородных и общезначимых) целях. Неудивительно, что развитие социальных исследований сопряжено с появлением этических кодексов, призванных оберегать профессионалов и их “подопытных” от неловких и трагичных последствий.

В целом можно говорить о двух крайних позициях в этом вопросе: этическом абсолютизме и этическом релятивизме (см. об этом подробнее [1]). В первом случае речь идёт о строжайшем соблюдении всех принятых правил, норм и стандартов. Такой подход точно обезопасит исследователя от последствий, не принесёт неприятностей для университета и наблюдаемых. Но также способен парализовать любую работу. Представьте, что глава преступной группировки согласился дать вам интервью (о, чудо!), но по всем строгим правилам вам перед началом необходимо получить его подпись на информированном согласии, что, как говорил один известный российский социолог, равнозначно “даче показаний”. Во втором случае вы, как исследователь, признаете за наблюдаемыми право выбора и ответственность за свою жизнь, т.е. “все мы тут взрослые люди”. Но вот ваш информант может через год решить измениться, а вы уже успеете опубликовать статью с неприятной для него цитатой с указанием личных данных. Так как же быть?!

Истина, как и всегда, где-то по середине. Важно и то, что этические дилеммы возникают не только в отношениях исследователя и “испытуемого”, но и в отношениях с коллегами (например, как сохранить анонимность и при этом обеспечить возможность фальсификации),

и в отношениях с обществом в широком смысле (стоит ли сообщить о преступлении, свидетелем которого вы стали). Можно, конечно, пытаться избегать острых и неудобных тем, но наш опыт полевой работы показывает, что таких тем попросту нет. Авторы статьи придерживаются “медицинской” позиции в этом вопросе: главное, не навредить (или ситуативная этика в терминах Л. Бархатовой [2]). Однако нам, как и многим, никогда не было просто, даже тогда, когда, казалось бы, приходилось работать в доступной, хорошо контролируемой и знакомой среде.

В этой статье приведён пример исследования, где нам пришлось принимать весьма непростые решения и объяснять их как себе, так и студентам, которые стали участниками проекта и теми, кого мы решили научить исследовательской работе. Иными словами, мы предложили им изучать самих себя, точнее, таких же как они студентов, а также наших коллег, которые как раз не воспринимались как равные. Результатам этой работы посвящена и настоящая подборка.

Таким образом, настоящая статья состоит из трёх частей. Вначале коротко расскажем о специфике “лёгкого” поля, далее представим несколько наших решений в эмпирическом исследовании научной деятельности студентов Школы экономики и менеджмента ДВФУ. В третьей части коротко опишем статьи других авторов подборки.

Этические проблемы “лёгкого” поля

Вопросы этики в социальном исследовании всегда в фокусе обсуждения как среди профессионалов, так и среди широкой общественности. Причин у этого много, не говоря о том, что любая дилемма в принципе не имеет одного решения. Споры поддерживают и возникающие тут и там скандалы (например, вокруг этой работы [3]), а каждое новое поколение исследователей нуждается в новых обсуждениях. Свой вклад в подогревание дискуссии вносят новые техники и методы работы, изменения в практиках жизни (кто думал о “цифровом следе” ещё лет 10 назад?!), социальные потрясения (как делать полевую работу в период пандемии?!), диффузия общественных норм... Наконец, исследователи сами подвержены изменениям: их полевой опыт всегда вносит корректировки в понимание процесса и себя в нём. Мы не ставим целью сделать всеобъемлющий обзор корпуса работ по этой теме, лишь обозначим специфику в соответствии с нашей задачей.

Что мы понимаем под “лёгким” и “трудным” полем? В основе разделения лежит представление о доступности информантов и практик для наблюдения. Традиционно антропологи сосредотачивали своё внимание на исследованиях максимально “культурно Иных”, “Других” в самом общем смысле тех, кого принято называть “аборигенами”. В советской традиции — это так называемые представители коренных малочисленных народов. Однако деколониальный поворот, а также конструктивистский сдвиг в философии знания и науки, довольно давно сместил фокус вначале на самих себя, а затем и вовсе сдвинул человека из центральной позиции. Следовательно, “трудное” поле — это, по-прежнему,

территориально удалённое от центров и инфраструктуры, непривычное с точки зрения практик жизни (например, в избушке или в Арктике), опасное с точки зрения роли исследователя в поле (например, белая девушка в чёрном квартале), культурно и с точки зрения языка максимально далёкое от него, в среде социально закрытых групп и т.п. Границы “трудного”, конечно, условны, сильно связаны с фигурой самого наблюдателя.

Соответственно, что тогда считать “лёгким”? Как правило, речь о социально одобряемых практиках, “неопасных” с любой точки зрения местах, похожих на нас самих людей. Это, конечно, преимущества, особенно если речь идёт о начинающих исследователях. Можно предположить, что и этические проблемы в таком поле не должны быть “сложными”, потому как понятны для того, кто ведёт работу. Но это вовсе не так, опять же, очень зависит от контекста, темы работы, нас самих как исследователей, нашего опыта, тех, с кем предстоит делиться результатами.

Чаще всего при обсуждении специфики таких исследований возникает *проблема “слепоты”* к понятному и обыденному: всё, что мы видим, не вызывает удивления, потому как кажется знакомым и понятным. Главный вопрос, который задают начинающие исследователи — и что же записывать в дневниках?! Решение этой проблемы видится в развитии навыков исследовательского воображения, но это только часть проблемы. Роль исследователя сама по себе может как мешать, так и помогать полевой работе. То есть информант может быть максимально открытым для нас, но может и решить, что обсуждать и объяснять нечего, потому как “и так всё понятно” [5, 6].

Вопросы этики также не просты. Можем ли мы обеспечить анонимность участникам? А когда будем рассказывать о результатах, уверены, что другие не узнают информанта? Не нарушит ли баланс сил моё вмешательство? А как будут относиться ко мне после этого? Все эти вопросы можно свети к трём группам факторов:

1) отношения с информантами.

Ключевой проблемой является обеспечение анонимности, особенно, когда речь идёт о небольшом населённом пункте или одной организации. Здесь при обнародовании результатов предстоит быть особенно осторожным. При этом в целом, для российского поля характерно восприятие исследователя как источника опасности [4], а потому в такой работе возрастает эмоциональный труд наблюдателя: сохранение баланса понимания, заинтересованности и одновременное выстраивание дистанции бывает весьма непростым;

2) отношения в сообществе.

Плюсом является то, что “прикидываться аборигеном” не придётся, потому как я уже он. Но поскольку я уже погружен в контекст и социальные отношения, которые хорошо бы не испортить, этические затруднения возникают в попытках не раскрыть того, что говорили другие информанты, отделить личные отношения так, чтобы не испортить жизнь ни себе, ни другим. Здесь могут перестать работать приёмы “и так

все знают”, благоприятные при изучении неформальных и не очень социально “чистых” практик, а исследователю часто придётся принимать решения о степени честности и откровенности в разговоре с информантом. И да, потом при обнародовании результатов опять же нужно принимать решения о формулировках;

3) отношения с читателями (заказчиками).

И здесь снова придётся балансировать. Специфической, на наш взгляд, сложностью в “лёгком” поле является необходимость объективировать самого себя при рассказе о своей исследовательской практике, раскрытие своей близости с информантами, необходимость оставаться в отношениях с теми, кто на короткое время стал твоим объектом и теми, кому ты раскрываешь результаты своей работы [7].

Вряд ли это исчерпывающий перечень затруднений, скорее то, что для нас как опытных исследователей кажется теперь очевидным, хотя и далеко не простым в решениях. Резюмируя, скажем, что само по себе решение о том, чтобы изучать самих себя, при кажущейся доступности, никогда не бывает “лёгким”.

“Фруктово-овощная” выборка-перевёртыш или история одного дизайна

В 2021–2022 гг. мы в Центре исследований постинститутов реализовали проект по изучению научной деятельности студентов Школы экономики и менеджмента ДВФУ (далее — ШЭМ). Ключевой вопрос исследования был сформулирован так: почему студенты ШЭМ не заинтересованы в научной деятельности и почему качество существующих научных работ студентов остаётся низким вне зависимости от прилагаемых школой усилий? К слову сказать, мы хорошо понимали, что, во-первых, школа не лидирует по количеству некачественных студенческих работ в ДВФУ, а, во-вторых, ДВФУ является лишь типичным российским вузом с точки зрения распространённости интересующих нас явлений. Наш практический интерес был связан с началом работы центра, где, кроме прочего, нам необходимо было придумать, как организовать работу стажёров и как популяризировать результаты исследований и академическую профессию в целом.

В нашем случае, чтобы начать декомпозировать исследовательский вопрос на задачи у нас должны были появиться гипотезы, которыми могли бы объяснить поведение студентов. Мы не хотели в прямом смысле лишь померить степень согласия с нашими представлениями других членов организации. А опасность была велика — типичная проблема доступного, “лёгкого” поля. Как избежать подобной слепоты и перешагнуть свою экспертную позицию про то, “что и так всё понятно”? Поэтому на первом этапе через абдукцию [8] мы собрали все возможные (которые пришли нам на ум) объяснения поставленной нами проблемы и сгруппировали их в отдельные кластеры:

H1: В ШЭМ не существует информационного поля о науке.

H2: Студентам не интересна наука.

Н3: Академическая карьера считается непрестижной среди студентов.

Н4: Студенты не имеют компетенций и способностей для научной деятельности.

Н5: Студенты более практико-ориентированы.

Н6: Студенты не понимают, как устроена академическая профессия.

Н7: Студенты копируют неправильную модель научной деятельности у других студентов.

Н8: Научное сообщество ШЭМ — это закрытая система.

Н9: Студенты считают нормой выпускать статьи в журналах, обладающих признаками недобросовестной редакционной политики.

Н10: Студенты не знают критериев оценки качества научной работы.

Н11: Студенты занимаются научной деятельностью исключительно ради материальных выгод.

После концептуализации и операционализации все первичные гипотезы (Н1–Н11) свелись к необходимости проверить: является ли некачественная научная деятельность студентов регулярным поведением, и если да, то что его запускает: правила, убеждения, нормы или всё вместе (мы использовали определение “института” А. Грейфа [9], принимая ДВФУ как институт по отношению к членам организации в качестве концепта первой орбиты; далее нам потребовалась концепция Кракла и Троу [10], определение “научная работа” и ещё несколько концептов для второй орбиты). В итоге задачи исследования были определены таким образом:

1) описать контекст научной деятельности студентов ШЭМ и оценить её качество;

2) описать контекст научной деятельности ППС ШЭМ и их активность по привлечению студентов в исследовательские проекты;

3) определить мотивационный профиль (типы) субкультур студентов ШЭМ;

4) выявить стереотипы об академической профессии и научной деятельности у студентов ШЭМ.

Так как в нашем исследовании не один актер, а несколько, и все они “распадаются” внутри себя на подтипы (студенты могут по-разному относиться к научной деятельности, преподаватели в разной степени включаются в исследовательский процесс, сотрудники института руководствуются разными показателями эффективности), конечно перед нами встал вопрос о выборке. Учитывая все ограничения нашего исследования, мы остановились на восьмиоконной выборке И. Штейнберга, поскольку она позволяет не выходить за рамки минимально приемлемого количества интервью (что важно для обучающихся), при этом за счёт сочетания различных методов подбора информантов помогает добиваться информационной ценности от каждого разговора, избежать “ложного снежного кома” и с помощью логических предпосылок

расширить характеристики выборки ещё на “дополевом” этапе — этапе планирования [11].

Планирование начинается с определения 4 “окон выборки”. Каждое окно — отдельная мини выборка. Деление на “окна” производится в двух координатах: экспертность и типичность. Под “типичностью” понимаются изначальные представления исследователей о самом распространённом носителе изучаемой практики. В свою очередь, “экспертность” (“дискурсивная компетентность”) — это совокупность знаний и опыта информанта относительно изучаемой практики. Таким образом, первое окно — эксклюзивный носитель практики; второе — типичный; третье — нетипичный; четвёртое — эксперты.

Однако выборка названа “восьмиоконной” не зря. Экспертность — категория сложная, а иногда и ложная. Именно поэтому “окно” экспертов делится ещё на 4 “окна”: ключевой эксперт, типичный, ложный и эксперт-теоретик. Эксперты распределяются по двум характеристикам: думает и знает. Первая характеристика описывает информанта, который, исходя из аналитических способностей или должности, рефлексировать по поводу исследовательской темы: у него есть своя точка зрения по этому вопросу, он может наблюдать его со стороны. Вторая характеристика показывает, является ли информант носителем практики, т.е. делает ли он что-то сам в этой области¹.

В лучших традициях командной работы в проекте уже в самом начале планирования выборки появился инсайт: у нас возникла сложность с определением типичного носителя практики. В первом приближении всё было просто: типичным должен стать студент, который занимается наукой, потому что именно его касается наш исследовательский вопрос. Но восьмиоконная выборка строится с точки зрения обыденного опыта (практики) в рамках проблемной области (т.е. научной деятельности студентов). Поэтому, возможно, в качестве типичных информантов стоит рассматривать студентов, которые не занимаются научной деятельностью? Ведь таких большинство в университете. Однако нельзя сказать, что и эта логика верна, потому что она уводит проект к причинам низкой исследовательской активности студентов, а не к качеству их научных работ. Именно поэтому “типичным” информантом (как это ни парадоксально!) был определён студент, который активно занят в “псевдо” и “около” научной деятельности, т.е., по сути, тот, кто производит некачественный научный продукт.

Определив “типичного” информанта, довольно просто понять, кто займёт оставшиеся “окна”. Отличие типичного от специфического заключается в уровне экспертности. У первого склонность к рефлексии ниже, чем у второго, который может не только подробно описать своё регулярное поведение, но и объяснить его “отклонения” от типичной практики. Поэтому “специфическими” у нас стали студенты, активно занятые в научной деятельности и соблюдающие общепринятые критерии

¹ Некоторые эксперты могут быть отнесены к разным группам, а потому требуют гибридного формата интервью.

качества такой работы. Соответственно, “нетипичные” информанты — это тоже активные ребята, которые включены во внеучебные университетские процессы, но не академической направленности (общественники).

Таблица 1

Распределение информантов по основным “окнам”

Группы информантов	Описание	Окно (тип)
“Лимоны”	Студенты бакалавриата и магистратуры (мужчины и женщины в возрасте 18–24 года), активно занятые в “псевдо” и “около” научной деятельности	Типичный
“Маракуйя”	Студенты бакалавриата и магистратуры (мужчины и женщины в возрасте 18–24 года), активно занятые в научной деятельности, соблюдают общепринятые критерии качественных научных исследований	Специфический
“Зелёные яблоки”	Студенты бакалавриата и магистратуры (мужчины и женщины в возрасте 18–24 года), которые не занимаются научной деятельностью, в рамках университета они только обучаются	Нетипичный
“Красные яблоки”	Студенты бакалавриата и магистратуры (мужчины и женщины в возрасте 18–24 года), которые заняты другими внеучебными и ненаучными активностями	
“Груши”	Аспиранты (мужчины и женщины)	
Эксперты	Сотрудники и руководители школы и университета	Эксперты

Здесь поиском информантов были заняты и мы, и студенты-участники проекта. Критериями для определения “научности” научной работы стали тексты в открытом доступе, которые на тот момент мы уже легко могли классифицировать по качеству (например, есть ли у потенциально информанта статьи в журналах-“хищниках” и сколько их). Однако и в этом случае мы никогда не разглашали участников, а им, конечно, не сообщали, к какой категории их относим.

Окно экспертов заняли сотрудники ШЭМ, которые сами занимаются научной деятельностью, помогают в этом вопросе студентам, либо имеют представление о ситуации с точки зрения управления процессом (табл. 2). Данные информанты названы экспертами, так как они компетентны в нашем вопросе и могут видеть целостную картину происходящего. “Ложных экспертов” в нашей выборке нет, так как эта группа является нежелательной для исследования, потому что информанты, которые и не знают, и не делают, не владеют изучаемой практикой и не могут быть нам полезны (скорее даже навредят).

Таблица 2

Распределение информантов в “окне” экспертов

Группы экспертов	Описание	Окно (тип)
“Помидоры”	Руководители школы, департаментов, центров, лабораторий	Ключевой
“Огурцы”	Сотрудники школы, выполняющие качественные научные работы, дающие значимые для школы результаты (имеют статьи в хороших журналах, выигрывают гранты, выступают на значимых конференциях и пр.)	Типичный
“Редиски”	Не занимаются научной работой или делают её некачественно (могут давать экспертизу или публиковать платные статьи)	
“Морковки”	Сотрудники школы, выполняющие иные значимые для школы работы (академия управления, финансовая грамотность, центр проектной деятельности и пр.)	Теоретик
“Шпинаты”	Сотрудники, принимающие участие в организации научной работы и иной внеучебной работы в ШЭМ	

Здесь таилась вторая опасность — как взять интервью у “редисок”? Как задать вопросы о платных статьях? О плагиате? Как сообщить студентам о том, что это именно тот самый тип информантов, чьё поведение имеет неприятный этический оттенок? В результате о том, кого мы отнесли к этой категории, мы, как руководители проекта, не раскрывали. Гайд интервью также был одинаковым для категорий 1–4 и касался он нейтральных вопросов об академической биографии наших информантов. Так мы смогли сохранить анонимность и “лицо” преподавателей для участников нашей исследовательской группы (и конечно, по всем правилам мы никогда не разглашаем личные данные любых информантов). В общей сложности коллектив собрал 28 интервью, наполнив все окна нашей выборки. А дальше пришло время ещё более простых решений...

Наши “трудные” результаты

Конечно, не только выборка потребовала от нас “этической чуткости”. Практически все полученные нами результаты, о которых мы не раз рассказывали нашим коллегам внутри и за пределами университета, требовали внимания к формулировкам и оговорок. Исследование оказалось довольно масштабным, кроме прочего мы смогли организовать подсекцию с докладами ребят на молодёжной конференции ДВФУ в 2022 г., несколько открытых обсуждений и выступлений на круглых столах, подготовили по мотивам этого проекта две выпускные квалификационные работы на двудипломной программе, но, главное, написали несколько текстов, большая часть которых представлена в настоящей подборке.

Артём Анискевич пытался разобраться с тем, как влияет повышенная академическая стипендия на качество студенческих научных работ. Он работал с моделью НИЭТ “принципал-агент”, пользуясь аналогией с известными работами неоинституционалистов о публикационной активности преподавателей вузов [12]. Требования о публикациях, как показали такие исследования, ведут к появлению стратегии “публикуй или проиграешь”, что ведёт к потере содержательности научных работ в связи с временными ограничениями. Построенная Артёмом модель показала, что стипендия через сформированные конечные выигрыши способствует появлению стратегий у игроков (в нашем случае — студентов, желающих получить академическую стипендию), а наиболее часто временные рамки ведут к выбору “количественной” стратегии: производство большего числа работ в ущерб качеству выводов. Благоприятствует этому в большей степени всем известный рынок публикаций. Этическая дилемма Артёма в этой работе очевидна — это почти обвинение в мошенничестве! Однако Артём пишет о рациональности поведения, что снижает градус, а также показывает, что это вредит самому принципалу в лице университета.

Алина Мацур анализировала данные опроса о распределении и характеристиках студенческих субкультур в нашем проекте. Как уже упоминалось, мы воспользовались классификацией Кларка и Троу, проверяя предположение о том, что в современные университеты в принципе не приходит много молодых людей с академической мотивацией (и от этого их так мало в науке). Однако анализ показал, что, хотя и преобладает коллегияльный тип в целом, всё же доля “академиков” также велика. Анализ данных по курсам показал, что доля академической субкультуры падает на бакалавриате к старшим курсам, а в магистратуре неожиданно велика доля “коллегиалов”. Мы также обнаружили значимую долю тех, кого мы называли “нигилистами” (нет в классификации Кларка и Троу, получена на основании предварительного корпуса глубинных интервью), т.е. тех, кто не знает, для чего и зачем он попал в ДВФУ. Несмотря на кажущуюся сухость фактов, и здесь результаты не лишены “неудобных” выводов. Получается, что “академики” не находят себя в стенах университета, а научная работа не выдерживает конкуренции с другими типами внеучебной активности. А магистратура не просто уровень образования, важный прежде всего для профессиональной карьеры, а способ продлить (или повторить) студенческие годы.

Елизавета Финогеева попробовала выявить причины недобросовестных практик в научной работе студентов, используя для этого данные интервью и опроса, и концепции Р. Мертон [13] и П. Бурдье [14]. В отличие от других подобных работ на российском материале, предположки рассматриваемых практик студентов Елизавета ищет в воспринимаемой ими социальной роли и влиянии символического капитала. Её предположение сводится к тому, что студенты не присваивают роль “исследователя”, что ведёт к нарушению норм академической этики, а модель стимулирования студенческой науки трансформирует написание статей и подготовку докладов в форму дополнительного заработка.

Пожалуй, это самый сложный в этическом смысле текст, объединяющий как работы Артёма и Алины, так и наши выводы.

Вместо заключения

Итак, мы попытались описать наш опыт этических и методологических затруднений в “лёгком” поле исследования практик научной работы студентов нашей же школы. Конечно, выбранная тема уже содержала в себе проблемы — мы анализировали недобросовестные практики в науке. Но несмотря на множество этических дилемм в процессе, мы верили в то, что делаем нужное дело. Такая работа помогает лучше понять себя, а не просто настроить свою преподавательскую оптику. Решая возникающие вопросы, обучая по ходу делать исследования наших ребят, мы пришли к выводу, который в дальнейшем стал нашим девизом. В отличие от базового научного протокола, требующего “определения” своего объекта, мы в какой-то момент перестали проводить границу “мы – они”, иными словами, попытались сломать модель “хорошие исследователи — мошенники в науке”. Помимо прочего, это дало нам понимание того вклада, который вносят наши ежедневные дела в общий котёл устоявшихся паттернов, пусть даже осуждаемых нами.

Список источников

1. Веселкова Н.В. Об этике исследования // СОЦИС. 2000. № 8. С. 109–114.
2. Бархатова Л.А. Этические дилеммы полевой этнографии // Социология: 4М. 2018. № 47. С. 44–66.
3. Goffman A. On the Run: Fugitive Life in an American City. — Chicago: University of Chicago Press, 2014. — 288 p.
4. Бархатова Л.А. Полевая этнография: методология, этика и практика // ЭС-форум. 2018. Т. 57. № 1. С. 9–13.
5. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. — М.: Стратегия, 1998. — 264 с.
6. Бауман З. Мыслить социологически. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 255 с.
7. Форум: этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.
8. Walton Douglas N. Abductive reasoning. — The University of Alabama Press, 2005. — 320 p.
9. Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 35–58.
10. Clark B.R., Trow M. The organizational context // College peer groups: Problems and prospects for research. — Chicago: Aldine Press, 1966. — P. 17–70.
11. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: “восьмиоконная” модель // Социология: 4М. 2014. № 38. С. 38–70.
12. Юдкевич М.М. Публикуй или проиграешь: теоретические и прикладные исследования // Вопросы образования. 2004. № 4. С. 104–107.
13. Merton R. The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by N.W. Storer. — Chicago: University of Chicago Press, 1973.
14. Бурдье П. Поле науки // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; отв. ред. перевода, сост. и посл. Н.А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. — С. 473–517.

Сведения об авторах / About authors

Журавская Татьяна Николаевна, кандидат социологических наук, доцент департамента социально-экономических исследований и регионального развития Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет. 690622 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус G, каб. G523. ORCID 0000-0003-1147-1169. E-mail: zhuravskaia.tn@dvfu.ru.

Tatyana N. Zhuravskaia, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Department of socio-Economic Research and Regional Development, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University. Office G523, Bld. G, FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia. ORCID 0000-0003-1147-1169. E-mail: zhuravskaia.tn@dvfu.ru.

Колбина Екатерина Олеговна, кандидат социологических наук, доцент департамента социально-экономических исследований и регионального развития Школы экономики и менеджмента, Дальневосточный федеральный университет. 690622 Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус G. ORCID 0009-0000-3166-2574. E-mail: kolbina.eo@dvfu.ru.

Ekaterina O. Kolbina, PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Department of socio-Economic Research and Regional Development, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University. Bld. G, FEFU Campus, 10 Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia. ORCID 0009-0000-3166-2574. E-mail: kolbina.eo@dvfu.ru.